

Сонный до смерти, Дяо Юйлян надул губы. Из всех учеников он больше всего любил играть с Ду Чжуном, но вот такой результат.

— Ты проник в Дворец Буфань, чтобы шпионить за нами, я не хочу с тобой разговаривать.

Сказал он.

— Уходи, и с этого момента мы не будем иметь друг к другу никакого отношения.

Хо Линьфэн спросил:

— Я причинил вам вред? Испортил что-то? Кроме того, что украл твой лотос, я ничего не делал, верно?

Он вытащил Дяо Юйляна, и они присели под зонтом.

— Милый Дяо, если бы я был вашим врагом, зачем бы я ждал здесь под дождем?

Дяо Юйлян колебался:

— Тогда что ты хочешь?

Хо Линьфэн сказал:

— Твой второй брат расстроен, верно? Вызови его, я хочу его утешить.

Дяо Юйлян ответил:

— Второго брата старший брат наказал переписыванием, он не выйдет, пока не закончит.

Наказание переписыванием... Расстроен, а его еще и наказывают, Дуань Хуайкэ действительно негодяй. Хо Линьфэн мысленно ругался, затем решил пойти на компромисс:

— Я буду приходить каждую ночь, если не дождусь твоего второго брата, тогда ты выйдешь и расскажешь мне, как у него дела.

Неужели я стану посыльным? Дяо Юйлян буркнул:

— У меня есть условие... Я хочу посмотреть на военный лагерь.

Хо Линьфэн согласился, и они пришли к соглашению. Когда тот ушел, уже начинало светать, и он сразу же поехал обратно в лагерь для внезапной проверки. Прибыв в лагерь, солдаты, только что проснувшись, зевали, отчего ему самому захотелось спать.

В палатке Ду Чжэн, неизвестно когда пришедший, принес коробку с едой, аптечку и комплект одежды. Рана была обработана заново, он переоделся и поел, после чего Хо Линьфэн, все так же прямой, отправился на тренировку.

Вскоре на западе лагеря раздались громкие крики.

На востоке, в Дворце Буфань, было примерно то же самое, ученики вовремя начали тренировки, но ни один из господ не появился для наблюдения. Дуань Хуайкэ спал в Обители Цзуйчэнь, Лу Чжунь спал в Павильоне Цанцзинь, Дяо Юйлян даже не нашел сил вернуться на лодке к центру реки, а пошел в Безымянную обитель, чтобы поспать с Жун Лююнем.

Жун Лоюнь похлопал малыша по спине и спросил:

— Хо Линьфэн ушел?

Дядо Юйлян промычал, Жун Лоюнь снова спросил:

— Как он выглядит, слабый?

Дядо Юйлян закрыл глаза и покачал головой, издавая храп. Жун Лоюнь немного успокоился, не спал всю ночь, устал до изнеможения, перевернулся и тоже погрузился в сон.

Дождь прекратился, затем наступила ясная погода, и температура постепенно поднималась.

Генерал Хо действительно был железным всадником, раны на теле не могли его остановить, и после нескольких перевязок он снова был полон сил. Днем он был занят в лагере, а ночью, отдыхая, сразу же отправлялся к Дворцу Буфань, чтобы терпеливо ждать.

Первая ночь — он ехал под дождем.

Вторая ночь — стал умнее, взял с собой флягу с водой и горячие лепешки.

Третья ночь — взял ручной фонарь и книгу, всю ночь читал трогательную историю о мяснике Чжане и вдове Ли.

Патрульные ученики уже привыкли, если Хо Линьфэн немного опаздывал, они даже начинали беспокоиться. Не докладывали и не прогоняли, вспоминая, что когда-то находились под руководством генерала из Сайбэя, они испытывали странное возбуждение.

На четвертый день, в сумерках, окунув кисть в чернила, Жун Лоюнь написал последний иероглиф. После нескольких дней затворничества он наконец переписал пятьдесят раз, его спина и поясница болели, он глубоко вздохнул, погрузившись в кресло.

Свернув бумагу, он запер Безымянную обитель и ушел.

Он отправился в Обитель Цзуйчэнь, нашел Дуань Хуайкэ и подал ему мантру для проверки. Толстая стопка бумаг была тщательно проверена Дуань Хуайкэ, который внимательно просматривал каждую страницу, каждый иероглиф, чтобы убедиться, что там не написано ничего оскорбительного.

Убедившись, что ошибок нет, он велел Жун Лоюню произнести мантру наизусть. Жун Лоюнь безошибочно повторил ее и наконец смог уйти.

Он направился к воротам дворца, в эти дни было жарко, и он хотел пойти в Башню Чжаому, чтобы попробовать ледяной десерт с коричневым сахаром, приготовленный матушкой. Как раз в сумерках ворота открылись, и внутрь проник луч закатного света, словно огненное сияние.

Жун Лоюнь вышел и невольно посмотрел на закат на западе.

В этот момент Хо Линьфэн подъехал на лошади, его величественная фигура на фоне заката, увидев его, его суровые черты лица внезапно озарились улыбкой, и он быстро подъехал.

— Тпру!

Хо Линьфэн спрыгнул с лошади и в один миг оказался перед ним.

— Ты согласился меня увидеть?

— с надеждой спросил Хо Линьфэн.

Жун Лоюнь отвел взгляд:

— Я просто иду в Башню Чжаому.

Хо Линьфэн застыл, четыре дня и три ночи без сна, и он думал, что наконец дождался. Он отступил на шаг, затем еще, отступив несколько шагов, резко развернулся и снова сел на лошадь.

Дернув поводья, он уехал, не сказав ни слова.

Жун Лоюнь поднял глаза и посмотрел на его удаляющуюся фигуру, теперь он точно должен был оставить свои надежды, но почувствовал, что грудь сжалась.

Он медленно пошел к реке, не пройдя и половины пути, как последние лучи солнца исчезли, и в домах зажглись огни. Проходя мимо Дома Луньча, рассказчик, следуя событиям, рассказывал о том, как генерал Хо обезглавил Мохэлу, устрояв варваров.

Жун Лоюнь прижался к окну и послушал немного, затем бросил кусочек серебра.

Он был странным, живого генерала Хо он игнорировал, а платил, чтобы слушать, как другие болтают.

Продолжая идти к реке, он добрался до Башню Чжаому, когда уже стемнело. Жун Лоюнь почувствовал странность, в это время обычно было шумно, почему же ворота закрыты? Он громко постучал и крикнул:

— Матушка?

Ворота открылись, и матушка встретила его:

— Господин, как хорошо, что вы пришли!

Жун Лоюнь вошел в башню и увидел, что девушки спокойно ели фрукты и пили чай, и ни одного гостя.

— Сестра?

Его взгляд упал на Жун Дуанью.

— ...Дела так плохи?

Матушка разозлилась:

— Ох! Генерал Хо внезапно появился и распугал всех гостей!

Она указала рукой.

— Заявил, что закрывает башню для проверки, но сам сидит в верхней комнате на четвертом этаже, трудно с ним справиться...

Жун Лоюнь был в смятении, тот человек уехал на лошади, а сам пришел в Башню Чжаому?

Мысли еще не улеглись, как его подтолкнули девушки, и он поднялся вверх. Поднимаясь по ступенькам, он словно шел по четыремстам ступеням у подножия Чаньского двора, от чего на теле выступила испарина.

Наконец, он оказался у двери комнаты и нерешительно вошел.

Жун Лоюнь медленно вошел в гостиную и увидел, что Хо Линьфэн спит, склонившись над столом. В комнате было тихо, только слышалось его ровное дыхание.

Он остановился у стола, опустив глаза на его лицо, под глазами были темные круги, тонкие губы слегка сжаты, а между бровей застыла глубокая усталость. На подбородке была легкая щетина, не знал, колючая ли она.

Внезапно Хо Линьфэн приоткрыл глаза и смущенно посмотрел на него.

Жун Лоюнь, словно пойманный на месте, сразу же повернулся, чтобы уйти.

Хо Линьфэн протянул руку, схватил Жун Лоюня со всей силой, посадил его на свои колени и крепко обнял. Не обращая внимания на боль в ране, он обхватил его обеими руками и крепко прижал к себе.

— Не уходи.

Он уткнулся в его шею и вздохнул.

— ...Маленький Жун.

Жун Лоюнь почувствовал, как голова пустеет... но лицо покраснело.

Много дней терпеливо ожидая, подвергаясь ветру и дождю, Хо Линьфэн наконец получил немного утешения. Он крепко обнял Жун Лоюня, но расслабил ноги, боясь, что его железное тело может причинить дискомфорт.

Думая об этом, он вдруг замер.

Летняя одежда была тонкой, и маленькая попка Жун Лоюня, сидящая на его коленях, ощущалась особенно явно. Теплая и мягкая, рука, обхватывающая его бок, невольно опустилась ниже.

Жун Лоюнь замер:

— Отпусти меня.

Хо Линьфэн немного успокоился, снова переместил руку на бок, затем обнял еще крепче. Жун Лоюнь отклонил голову, не глядя на него, приказал ему отпустить, но тело его оставалось неподвижным.

Он мягко спросил:

— Почему не отталкиваешь меня? Боишься, что мне будет больно?

Тот не ответил, он снова спросил:

— Если тебе жаль причинять мне боль, почему ты не пожалел, когда ударил меня мечом?

Жун Лоюнь, словно чувствуя вину, молча смотрел на курильницу.

Хо Линьфэн сказал:

— Я мог уклониться от этого удара, мог и заблокировать его.

Он повернул лицо Жун Лоюня, заставив его смотреть на себя.

— Я подставил плечо, чтобы ты ударил, чтобы ты выпустил гнев, если этого недостаточно, можешь ударить еще раз.

Жун Лоюнь покачал головой:

— На этом все, давай больше не будем связываться.

Что значит «на этом все»? Хо Линьфэн почувствовал тревогу, которая резко поднялась в его сердце. Он сдержал себя:

— Я спас тебе жизнь, долг за спасение плюс этот удар мечом, давай зачтем мою ошибку, хорошо?

В его голосе звучала обида, увидев, что тот не сдаётся, он слегка подпрыгнул на коленях. Маленькая попка подпрыгнула, опустилась, прижалась, и он чуть не забыл, что хотел сказать.

Он тихо сказал:

— Репутация Дворца Буфань плохая, я — чиновник, только что прибыл и хотел избавить народ от бед, поэтому проник туда. Сначала я хотел наказать зло, но постепенно понял, что Дворец Буфань не такой, как о нем говорят, поэтому моя цель изменилась.

— Подумай, я причинил вред Дворцу Буфань? Испортил какие-то планы? Напротив, я хорошо справлялся, поэтому ты меня и оценил, верно?

— Сначала я хотел тебе угодить, поэтому притворился, что люблю нежные объятия, но все остальное было искренним. Ловил для тебя рыбу, дарил лотосы, разве это могло быть притворством?

— Я с детства был окружен слугами, даже чай сам не заваривал, если бы не чувства, разве стал бы я делать работу служанки? И среди четырех господ, я относился ко всем одинаково? Почему именно тебя я выбрал?

<http://bllate.org/book/16167/1449417>